

Василий Попов

«Закрома Родины»: к вопросу о государственном резерве хлеба в Советской России (1917–1953 гг.)

Vasily Popov (Moscow Pedagogical State University, Russia)

«Zakroma Rodiny»: to the question of the state reserve of bread in Soviet Russia (1917–1953)

DOI: 10.31857/S086956870000129-2

Старинное слово «закром» означало отгороженное место в амбаре для ссыпки зерна или муки; отсюда выражение: «хлеб поступает в закрома государства». В представлениях крестьянства только полные закрома означали зажиточную жизнь. Как же обстояло дело с «закромами» в СССР, где с победой колхозного строя организация заготовок и хранения зерна и его последующее распределение осуществлялись централизованно государством?

Представляется верным мнение тех учёных, которые считают колхозную систему не поддававшейся реформированию. И не только потому, что в условиях принудительного ценообразования и отсутствия рынка невозможен экономический расчёт, все средства производства национализированы, а распределительная политика сводилась к изъятию у одних и передаче другим, и даже не потому, что советское государство во всех своих звеньях представляло царство бюрократии. Колхозная жизнь лишала крестьянина главного — хозяйственной самостоятельности, ослабляла, а то и вовсе искореняла любовь к земле и труду.

Мне уже приходилось писать на тему государственного хлебного резерва и приводить сводные данные по СССР¹, поэтому в дальнейшем я не буду давать дополнительных ссылок. К сожалению, до настоящего времени эта проблема не являлась предметом специального изучения. Между тем перед исследователями стоит множество вопросов: является ли государственный резерв хлеба одним из факторов, влияющих на внутреннюю и внешнюю политику государства; как он формируется, хранится и расходуется; какова величина этого запаса в разные годы; наконец, от каких факторов зависит увеличение или уменьшение резерва. Свои дополнительные вопросы ставят проблема источников, степень изученности темы и др.

Кратко остановимся на некоторых аспектах историографического характера. В первую очередь необходимо упомянуть фундаментальное исследование выдающегося отечественного экономиста Н.Д. Кондратьева². Изучая рынок хлебов в начале XX в., он выявил следующую закономерность: ведущую роль в снабжении рынка хлебов играли крестьянские хозяйства, поэтому «всякое изменение условий, влекущее за собой повышение потребления... и понижение товарности крестьянских хозяйств, должно вызывать огромную силу инерции в направлении к сокращению количества товарного хлеба и обуславливать кризис хлебного рынка и наоборот». Высокой товарностью, по Кондратьеву, обладали «владельческие хозяйства», значительно превосходившие «товарность крестьянских хлебов», поэтому «резкое потрясение продукции владельческих хозяйств при прочих

¹ Попов В.П. Роль государства в регулировании рынка сельхозпродуктов в 1917–1940 гг. // Аграрный рынок в историческом развитии. Сборник научных трудов. Екатеринбург, 1996. С. 257–266; Попов В.П. Государственный резерв хлеба в СССР и социальная политика // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 24–33; Попов В.П. Хлеб как объект государственной политики в СССР в 1940-е годы // Отечественная история. 2000. № 2. С. 49–66.

² Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991.

равных условиях также должно вести к кризису рынка»³. Здесь заложен ответ на вопрос: что должно было произойти с сельским хозяйством после завершения коллективизации, когда в результате раскулачивания подверглись уничтожению хозяйства, дававшие основную массу товарного хлеба.

Кондратьев пришёл к выводу, что регулирование заготовок связано с государственным регулированием цен. В условиях Первой мировой войны и революции 1917 г. происходили усиление государственного вмешательства в функционирование хлебного рынка, перестройка продовольственного аппарата, распространение системы твёрдых цен, разработка планов снабжения. Попытки заменить «стихийные факторы хозяйственной жизни рациональными» в 1916–1917 гг. успеха не имели⁴. В 1918 г. Кондратьев опубликовал в сборнике «Большевики у власти» статью, в которой подверг резкой критике продовольственную политику нового режима, считая, что он, вопреки обещаниям, не дал народу хлеб, а «приблизил голод», разрушив то немногое, что было сделано Временным правительством в решении продовольственной проблемы⁵.

Я привёл оценку проблемы учёным и для меня вполне очевидно, что с точки зрения экономической жизни страны резерв нужен для того, чтобы покрыть все риски правительства по своим обязательствам перед населением. Именно из этого положения я буду исходить при оценке изучаемого явления.

В основе продовольственной политики большевиков лежали не суждения экономического характера, а узкоклассовый подход. В качестве красноречивого примера сошлюсь на один из первых декретов по рассматриваемой проблеме⁶. В нём причины начавшегося в стране голода объясняются не только последствиями войны и развалом продовольственного дела, но и позицией «деревенских кулаков и богатеев». Всех владельцев хлеба, имевших излишки и не сдававших их по установленным произвольным нормам, советская власть объявила «врагами народа». Летом 1918 г. В.И. Ленин призвал рабочий класс организовать великий «крестовый поход» против кулаков. Он также считал заслугой своей партии, что та «сверху» внесла гражданскую войну в деревню и расколола сельское население, опередившись на беднейшее крестьянство в борьбе против деревенской буржуазии⁷. Поэтому основной конфликт между властью и крестьянством начался не по вопросам землепользования или производства, а по вопросу распределения полученной продукции. Крестьянские восстания периода Гражданской войны имеют основными причинами продразвёрстку и запрет свободной торговли хлебом.

Многочисленные факты и исследования свидетельствуют, что внутренний хлебный рынок разрушила не столько война, сколько политика «военного коммунизма», продразвёрстка и монополия внешней торговли⁸. В результате

³ Там же. С. 94–100.

⁴ Там же. С. 310–312.

⁵ Кондратьев Н.Д. По пути к голоду // Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Избранные произведения в 2 кн. Кн. 1. М., 1993. С. 88–98.

⁶ Декрет ВЦИК и СНК о чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию. 13 мая 1918 г. // Декреты советской власти. Т. II. М., 1959. С. 261–264.

⁷ Ленин В.И. О голоде (письмо к питерским рабочим) // Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 359–364; Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Там же. Т. 37. С. 309–315; Ленин В.И. I конгресс Коммунистического Интернационала // Там же. С. 508–509.

⁸ Программа российской коммунистической партии большевиков. Принята VIII съездом РКП(б). Март 1919 г. // ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 2 ч. Ч. I. М., 1940. С. 281–295.

произошло то, что некоторые историки назвали «архаизацией» экономической жизни: привычные хозяйственные связи были разрушены, прекратилось поступление государственных доходов и налогов, национализированная промышленность почти не развивалась, а соха, цеп, серп и коса оставались для миллионов крестьянских хозяйств основным сельскохозяйственным инвентарём.

Известно, что аграрная программа Ленина и его отношение к крестьянству менялись в зависимости от ситуации в стране⁹, но одно оставалось неизменным: революция как демиург нового социалистического мира. Для пролетарской партии в ходе революционных преобразований «особенно важно настаивать на необходимости *увеличить* (выделено Лениным. — *В.П.*) производство съестных продуктов для солдат на фронте и для городов, на абсолютной недопустимости какого бы то ни было ущерба или порчи скота, орудий, машин, построек и пр[оч].»¹⁰. Поскольку революция это всегда война, экономика страны должна носить характер военного хозяйства и наличие в руках государства хлебного резерва — необходимое условие и залог будущей победы. Особенно ярко данный фактор проявился в годы Великой Отечественной войны. Именно это стало главной особенностью заготовительной и распределительной политики в сфере аграрных отношений.

Уже начальный этап социалистического строительства в эпоху «военного коммунизма» выявил важную составляющую природы нового общественного устройства — отсутствие какой-либо связи между производством и распределением. Крестьянство осознало это, когда от деклараций о земле и мире большевики перешли к конкретным делам. По мнению известного историка-аграрника Т. Шанина, «доминирующим конфликтом в годы революции и Гражданской войны... продолжал оставаться именно конфликт крестьянства, с одной стороны, и правительственных структур и подразделений — с другой, а не внутренний конфликт в крестьянской деревне»¹¹. Гражданская война дала большевикам ясное понимание того, что без резервов войну выиграть нельзя. С этого времени власть начала активно заниматься созданием государственного хлебного запаса¹². Невозможность решить проблему в рамках нэпа, когда ещё сохраняли свою силу крестьянские хозяйства, оказалась одной из важнейших причин насильственной коллективизации¹³.

В настоящее время происходит пересмотр многих прежних оценок и вообще теоретического багажа по проблеме коллективизации. С повестки не снят вопрос о её предпосылках. Если они существовали, то выбор дальнейшего пути

⁹ Шанин Т. Четыре с половиной аграрных программы В.И. Ленина // Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. М., 2015. С. 659—693.

¹⁰ Ленин В.И. Задачи пролетариата в нашей революции (проект платформы пролетарской партии). 28 мая 1917 г. // Аграрная политика Советской власти (1917—1918). Документы и материалы. М., 1954. С. 56.

¹¹ Современное крестьяноведение и аграрная история России / Под ред. В.В. Бабашкина. М., 2015. С. 717.

¹² Об остроте проблемы со снабжением армии свидетельствуют выступление наркома по военным и морским делам СССР К.Е. Ворошилова на заседании комиссии обороны при Политбюро ЦК ВКП(б) 2 октября 1926 г. о необходимости «прежде всего улучшить питание красноармейцев» (Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы. М., 2007. С. 141).

¹³ По мнению американского учёного П. Грегори, «коллективизация стала тем институциональным механизмом, с помощью которого осуществлялся контроль над хлебозаготовками. Если бы крестьяне согласились продавать государству хлеб по тем ценам, по которым оно хотело покупать, не было бы никакой необходимости в коллективизации» (Грегори П. Политическая экономия сталинизма М., 2008. С. 57).

развития деревни должен был определяться самим сельским населением по принципу «кто больше даёт стране товарного хлеба, тот и прав»¹⁴. Если же предпосылок не было, то коллективизация оказывается обычным для эпохи военного коммунизма актом внеэкономического принуждения, какими бы «правильными аргументами» (например, фактором военной угрозы) правительство не обставляло свою политику.

В своей ранней работе, посвящённой изучению материально-технических предпосылок коллективизации, известный историк-аграрник В.П. Данилов пришёл к парадоксальному, на первый взгляд, выводу: «Темпы социальной реконструкции сельского хозяйства намного обгоняли темпы технической реконструкции... [а] устройство социально-экономических отношений в деревне было завершено намного раньше, чем техническая реконструкция сельского хозяйства»¹⁵. Проще говоря, материально-технические предпосылки коллективизации отсутствовали. Правда, несмотря на это заключение, подтверждённое многочисленными статистическими выкладками, Данилов утверждал (вернее, учитывая идеологический диктат, был вынужден утверждать), что среди главных факторов, обусловивших переход к политике сплошной коллективизации, важное место «принадлежало несоответствию буржуазных производственных отношений общественному характеру новых производительных сил, которое начало возникать в сельском хозяйстве накануне его социалистического преобразования»¹⁶. Лишь много позже исследователь получил возможность высказываться свободно: «Новая материально-техническая база для сельского хозяйства должна была создаваться в ходе сплошной коллективизации и после её развертывания. Техническая и социальная реконструкция сельского хозяйства развёртывалась одновременно»¹⁷. Вопрос о предпосылках коллективизации в его представлении отошёл на второй план по сравнению с изучением характера этого процесса: «“Великий перелом”, о котором Сталин объявил в ноябре 1929 г., не имел ничего общего с действительностью социально-экономического развития — ни с якобы огромным ростом производительности труда в промышленности, ни с возникшим будто бы массовым колхозным движением в деревне»¹⁸.

По моему мнению, объективные предпосылки коллективизации, если таковые действительно существовали, ещё не отвечали на вопрос: почему вместо бухаринской альтернативы партия предпочла сталинскую модель? Чтобы создать

¹⁴ Именно это пытался «донести» до советского руководства Н.Д. Кондратьев, когда в июле 1924 г. выступил на заседании сельскохозяйственной секции Госплана СССР с докладом «Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства». Его основные предложения сводились к тому, что необходимо сделать «ставку на двусторонний, аграрно-индустриальный тип народного хозяйства», что накопление капиталов для скорейшего переоборудования промышленности «может быть достигнуто легче и быстрее всего на путях развития сельского хозяйства и сельскохозяйственного экспорта», что главным в области регулирования рынка является «вопрос политики цен» и что в случае, если «ножницы» цен на промышленные и сельскохозяйственные товары «неблагоприятны для сельского хозяйства, то это значило бы, что цена сельскохозяйственных товаров не обеспечивает расширенного воспроизводства их» (*Кондратьев Н.Д. Особое мнение...* С. 350, 361). Экономист был твёрдо убеждён: «Мы не думаем, что процесс коллективизации может быть осуществлен приказом или пожеланием» (Там же. С. 351).

¹⁵ *Данилов В.П.* Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957. С. 393.

¹⁶ Там же. С. 398.

¹⁷ *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке: Избранные труды в 2 ч. Ч. 1. М., 2011. С. 174.

¹⁸ Там же. Ч. 2. М., 2011. С. 705.

материально-техническую базу колхозов, требовались капиталы, которыми не располагали ни большевики, ни «сельский пролетариат». Зато капиталы имели средние и зажиточные крестьяне (по марксистской терминологии — «мелкая буржуазия» или «кулачество»), которые вкладывали их в развитие своих хозяйств. Таким образом, производственные отношения внутри доколхозной деревни являлись не продуктом «материальных производительных сил» (как это продолжают утверждать сторонники марксизма), а наоборот, реальным источником и условием их появления.

Почему ещё столь важна проблема хлебного резерва? Как показывают современные исследования¹⁹, он был достаточным, чтобы прокормить население страны во время голода и в 1921—1922, и в 1932—1933, и 1946—1948 гг. Хлебный резерв и голод — взаимосвязанные явления: если правительство располагает необходимым запасом, чтобы накормить население, голода быть не должно. В этой связи красноречив следующий факт: в 1921—1922 гг. городское население в поисках пропитания уезжало в деревню, а во время поздних голодовок уже сельское население бежало в города, спасаясь от смерти. Деревня перестала быть кормилицей своих тружеников. Таков социальный итог «модернизационного» скачка, осуществленного в эти годы.

Советскую экономику принято считать плановой, однако в области ресурсов многое зависело от того, кто распоряжался ими и осуществлял контроль. Многочисленные архивные документы свидетельствуют, что таким лицом всегда являлся руководитель государства. Среди архивных бумаг И.В. Сталина за 1928 г. содержится интересный документ:

«Хлеб: 1) увеличить план загот[овок]; 2) платная гужевая обязанность; 3) гарнцевый сбор; 4) Как сделать immobileнное mobileнным?

Поставить вопросы НКТорга в П[олит]Б[юро].

1) Накопить в продолжение января—апреля секретный неприкосновенный хлебный фонд в размере 25 мил[лионов] пуд[ов]*; 2) Поручить Микояну регулярно докладывать Рыкову о ходе образования этого фонда*.

На 1 декабря: 1) 77 м[иллионов] п[удов] прод[овольственных] хлеб[ов] у загот[овительных] орг[анизаций]. 2) 29 м[иллионов] п[удов] прод[овольственных] хлеб[ов] у потреб[ительских] орг[анизаций].

[Итого]: 106 м[иллионов] п[удов]»²⁰.

Документ показывает, что создание неприкосновенного хлебного фонда контролировалось непосредственно лидером партии и государства. Оно виделось мерой, которая добавит власти уверенности при проведении непопулярных мер, а также создаст определённые гарантии снабжения городского населения и армии и поможет выстроить «иерархию потребления»²¹. Надо учитывать, что в 1926/27 г. производство зерновых, хлебозаготовки и государственные цены на пшеницу несколько понизились в сравнении с предыдущим годом, при этом разрыв между государственными и рыночными ценами увеличился в пользу

¹⁹ Зима В.Ф. Голод 1921—1922 годов в Советской России: Власть и церковь. М., 2015. С. 47—78; Кондрашин В.В. Голод 1932—1933 годов: Трагедия российской деревни. М., 2008. С. 272—274; Попов В.П. Сталинизм в человеческом измерении. Работы разных лет. М., 2016. С. 210—219. Отмечу, что ни Зима, ни Кондрашин специально не рассматривали вопрос о государственном резерве хлеба.

²⁰ Архив Президента РФ (далее — АП РФ), ф. 45, оп. 1, д. 27, л. 5—8. Пункты 1 и 2, отмеченные звёздочкой, зачёркнуты. Выделенное курсивом в оригинале подчёркнуто.

²¹ Данное понятие, отражающее специфическую роль распределительного механизма в управлении советским обществом, ввела в научный оборот и раскрыла на большом историческом материале Е.А. Осокина (Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928—1935. М., 1993).

последних. Сталинское рассуждение о том, как сделать «иммобильное мобильным», по моему мнению, свидетельствует об одном: в ближайшее время в условиях политической нестабильности следовало заменить «непредсказуемый» зерновой рынок единой государственной хлебозаготовительной системой; т.е. зерно, хранившееся у зажиточных крестьян на продажу в ожидании благоприятной конъюнктуры («иммобильное»), следовало принудительно изъять (сделать «мобильным»). То, что пункт о создании секретного неприкосновенного хлебного фонда зачёркнут, также объяснимо: сначала следовало начать коллективизацию и раскулачивание и лишь затем, убедившись, что оба процесса набрали силу, перейти к созданию соответствующего государственного органа.

В октябре 1931 г. был создан Комитет резервов при Совете труда и обороны (СТО), в ведение которого передавались все мобилизационные запасы, хранившиеся на предприятиях, а также мобилизационный и государственный хлебный фонд, ранее находившиеся под управлением Наркомата снабжения СССР. 9 октября 1935 г. постановлением СНК СССР «образование и хранение неприкосновенного фонда хлебофуража было возложено на Комитет резервов при СТО»; расходование неприкосновенного фонда производилось только с разрешения союзного правительства²². Из ведения Комитета по заготовкам при СНК изымались и передавались Комитету резервов хлебные городки (крупные механизированные хранилища зерна и зерновой продукции) и мельничные комбинаты, выстроенные на Амуре, в Дальневосточном, Восточно-Сибирском и Красноярском краях со всеми хлебными запасами, обслуживающим персоналом, инвентарём, оборудованием и хозяйственным имуществом. Страна активно готовилась к предстоящей войне, и в декабре 1937 г. Управление государственных резервов представило правительству план накопления на 1938 г. Было решено довести запасы хлебофуража до 350 млн пудов (этот показатель установлен ещё в октябре 1935 г.).

Документы советской эпохи публикации не подлежали, поэтому их официальные издания — законодательные, по внешней политике и обороне, партийные, статистические и др. — никогда не давали полного знания ни о фактической стороне дела, ни о механизме принятия решений во всех звеньях государственного управления²³. Важнейшие материалы были недоступны для учёных. Сложность изучения данной темы заключается ещё и в том, что ряд министерств, ведомств и организаций СССР (в том числе Комитет резервов и все его правопреемники) наделялись правом государственного хранения документов, т.е. не сдавали их на хранение в соответствующий государственный архив²⁴. У историков практически отсутствовала реальная возможность изучать хлебный резерв как самостоятельный сюжет.

Значительный комплекс документов о деятельности Комитета резервов²⁵ отложился в фонде Совета народных комиссаров (Совета министров) СССР.

²² ГА РФ, ф. 5446, оп. 29, д. 784, л. 30.

²³ *Пихоя Р.Г.* Архивная революция в России двадцать лет спустя // *Пихоя Р.Г.* Записки археографа. М., 2016. С. 238—321.

²⁴ По полученной автором информации из Федерального агентства по государственным резервам (письмо Росрезерва от 16.03.2018 № 1-04/3073), документы учреждений по руководству государственными материальными и продовольственными резервами СССР за 1935—1953 гг. были в 2016 г. переданы на хранение в РГАЭ.

²⁵ В 1937 г. Комитет резервов при СТО был преобразован (при сохранении всех его функций) в Управление государственных резервов при Совете народных комиссаров СССР. В дальнейшем неоднократно переименовывался: с 1946 г. — Министерство государственных продовольственных резервов, в 1948—1951 гг. объединён с Министерством материальных резервов; в 1951—1953 гг. выделен в самостоятельное Главное управление государственных продовольственных резервов при Совете министров СССР.

Он состоит из правительственных постановлений, регулировавших заготовительную политику и вопросы работы Комитета, докладных записок Комитета и других ведомств (в первую очередь, Наркомата заготовок) в адрес правительства о ходе выполнения хлебозаготовок, состоянии элеваторно-складского хозяйства, о хлебофуражном резерве по районам и в целом по стране, о строительстве зерновых (хлебных) городков, а также зерновых балансов, отчётов, переписки об условиях хранения и кондициях хлебной продукции, инвентаризации запасов, дислокации баз и складской ёмкости, сведений о перевозке продовольственного зерна и подвижном составе, экспорте зерна и др. Ещё один важный комплекс источников отложился в фондах Наркомата (Министерства) заготовок СССР. Наиболее ценным для нашей темы является «справочник министра», который содержит основные показатели по хлебным операциям за 1913–1949 гг. Среди них: поступление зерновых культур по стране с 1913 г., динамика заготовок зерновых за 1930-е гг. по пятидневкам и месяцам, сведения об отпуске хлеба по целевым назначениям за 1938–1947 гг., динамика наличия зерна, муки и крупы за ряд лет по месяцам, данные сети «Заготзерно» и мукомольных предприятий, о ёмкости складских помещений, элеваторно-складской ёмкости и др.²⁶

Однако документы обоих ведомств обладают одним существенным недостатком: они не содержат упоминаний о том, как была получена та или иная цифра. В документах не указана методика составления таблиц, не названы первичные документы, легшие в основу сводных статистических данных. В нашем распоряжении — лишь перечень форм оперативной отчётности, введённых в системе главка госрезервов с 1940 г., а также формы таблиц срочных донесений о наличии и движении фонда хлебофуража, отчёты о качественном состоянии хранящейся продукции и проч. Как свидетельствуют материалы ревизий и проверок деятельности названных ведомств, нередко имели место случаи получения недостоверной информации, а иногда и прямых фальсификаций данных, присланных подведомственными учреждениями.

Важный момент для оценки деятельности резервной системы страны — определение круга лиц, получавших секретные оперативные сводки о заготовках и закупках зерновых в стране. Накануне войны это были: И.В. Сталин (председатель СНК СССР), А.А. Андреев (секретарь ЦК ВКП(б)), А.И. Микоян (заместитель председателя СНК СССР), С.Ф. Демидов (заместитель председателя Госплана СССР), В.Н. Старовский (начальник Центрального статистического управления), А.Г. Зверев (нарком финансов СССР), Н.А. Булганин (председатель Госбанка СССР), И.А. Бенедиктов (нарком земледелия СССР), В.А. Донской (нарком заготовок СССР) и его заместитель К.П. Субботин, Зуев (управление делами СНК СССР), Масленников (главный контролёр Наркомата госконтроля по наркомату заготовок)²⁷. Круг лиц, допущенных к сведениям о государственном резерве хлеба, был ещё уже: полной информацией обладали лишь начальник главного управления государственных резервов при СНК СССР М.В. Данченко

²⁶ Первоначально в 1932 г. был создан специальный общесоюзный орган — Комитет по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при Совете труда и обороны СССР, в 1933 г. переподчинённый СНК СССР. Он осуществлял заготовки через сеть специальных учреждений («Заготзерно» и др.). В 1938 г. преобразован в Наркомат заготовок (НКЗ) и ведал не только заготовкой, но и хранением, руководил сбором и регулированием сбыта сельхозпродукции. Отношения между управлением государственных резервов и НКЗ носили характер острого ведомственного соперничества, не всегда шедшего на пользу делу (См.: РГАЭ, ф. 8040, оп. 8, д. 360, л. 1–368).

²⁷ РГАЭ, ф. 8040, оп. 8, д. 131, л. 15–21.

и несколько человек из отдела учёта и отчётности центрального аппарата. Список адресатов — Сталин, Молотов, Микоян, нарком заготовок.

Сельскохозяйственный год начинался 1 июля с началом сбора урожая и заканчивался 30 июня следующего года. Информация о наличии хлеба по месяцам позволяла государственным ведомствам контролировать не только поступление, но и расход. Сведения на 1 января, как правило, характеризовались наибольшим показателем, а данные на 1 июля — наименьшим. Во втором полугодии складская ёмкость загружалась за счёт приёма зерна от хлебосдатчиков, а в первом полугодии освобождалась, по мере возможности, для проведения ремонта и подготовки к приёму нового урожая. Одновременно происходили приём и отгрузка хлеба, хранящегося на глубинных пунктах «Заготзерно» (так назывались временные хранилища). По действующим нормативам зерно государственного резерва должно было обладать наивысшими кондициями: быть сухим и чистым, с определённым содержанием клейковины, не быть заражённым амбарными вредителями и не иметь посторонних запахов. Как правило, зерно хранилось в течение 5–6 лет, мука и крупа — в течение 2–3 лет, после чего возникала необходимость в их разбронировании для освежения²⁸. Условия содержания зерна на основных базах главка и на пунктах Наркомата заготовок существенно отличались.

Для более точной оценки сводных данных коротко рассмотрим особенности хранения государственного резерва хлеба на примере военных лет (1941–1945). Хлебофуражные резервы хранились на базах самого главка (в среднем, в размере трети от общего количества госрезерва), на складах НКЗ (50–60%), на глубинных пунктах этого же наркомата как зерно мобилизационных резервов (4–6%), до 2–3% всего запаса числилось в пути, т.е. перебрасывалось по оперативным нуждам с одного пункта на другой; незначительное количество зерна было забронировано на спиртозаводах. Базы главка в первую очередь пополнялись из урожая нового года, а расходовались — в последнюю. Поэтому доля хлебных резервов на них была относительно стабильной, в отличие от показателей резерва на базах НКЗ. Сведения о хранении госрезерва на базах главка в отчетности НКЗ не указывались. Наркомат вёл отдельный учёт наличия зерна и зерновой продукции (муки и крупы в переводе на зерно) госрезерва, хранящегося на складах всех подведомственных ему заготовительных организаций — всесоюзного объединения «Заготзерно», «Главмуки» и «Главкрупы». При этом данные указывались в отчётах тремя показателями: все зерно и зерновая продукция, в том числе показатели, отнесённые к «госрезерву» и отдельно к «коммерческим ресурсам». Анализ этих данных позволяет достаточно полно воссоздать установленный правительством механизм распределения самого важного ресурса страны.

Интерес представляют данные о размещении госрезерва по отдельным районам государства. На 1 января 1941 г., когда война с Германией воспринималась как наиболее вероятный вариант развития событий в ближайшие полгода, резерв распределялся так: Центральный район — 46.6%, Украина, Молдавия и Крым — 13, Волжский район — 9.6, Дальний Восток и Забайкалье — 9.5, Сибирь — 8.5, Прибалтика и Белоруссия — 7.6%. Неприкосновенный резерв составлял 5 876 тыс. т²⁹.

В январе 1942 г., в связи с оккупацией значительной территории страны, ситуация с дислокацией резерва кардинально изменилась: главными районами

²⁸ В 1936 г. вышли «Временные правила по складированию и хранению зерна и муки на хлебофуражных базах Комитета резервов при СТО».

²⁹ ГА РФ, ф. 5446, оп. 47, д. 5965, л. 86.

хранения стали Волжский (28% всего запаса) и Центральный районы (22%), а также Сибирь (18%). Значительно увеличились резервы на Урале, в Камском районе и Казахстане. При этом лишь 45% всего резерва хранилось на базах главного управления государственных резервов. Неприкосновенный резерв составлял на начало 1942 г. 6 327 тыс. т, а на 1 января 1943 г. — 7 201 тыс. т. Как сообщал Данченко Молотову, «в течение Отечественной войны выпуск хлебофуража госрезерва для нужд Красной армии и народного хозяйства составил на 1 августа 1943 г. 8 670 тыс. т, а возврат позаимствованного за этот же период — 8 405 тыс. т»³⁰. В 1941 г. происходила эвакуация хлеба из прифронтовых районов на базы Ярославской, Горьковской, Куйбышевской, Саратовской и других областей, в 1942 г. — из Ростовской, Сталинградской областей и Краснодарского края на базы Закавказья и центра.

Для оценки приведённых цифр следует учитывать не только абсолютное снижение в 1941—1942 гг. валовых урожаев, государственных заготовок и закупок зерновых, но и сокращение численности населения, подлежащего государственному снабжению хлебом. За 1940—1942 гг. заготовки и закупки составляли в среднем от 38 до 43% урожаев; при этом урожай 1942 г. составлял 31% от уровня 1940 г., а государственные заготовки и закупки — 34%. При численности населения СССР на середину 1941 г. примерно в 196.7 млн человек к декабрю 1941 г. во временной оккупации оказались 74 млн, а к ноябрю 1942 г. — около 80 млн человек. На государственном снабжении хлебом в 1942 г. числилось 61 млн, в 1943 г. — 67 млн человек. Таким образом неудивительно, что при резком сокращении поступления зерновых в распоряжение государства (в 1940 г. — 2 224.9 млн пудов; 1941 г. — 1 483.4; 1942 г. — 764.1 млн пудов, т.е. на треть к довоенному уровню) государственный резерв превзошёл довоенный уровень. Ситуация резко изменилась в 1944 г., когда была освобождена вся территория Советского Союза. Разбронирование хлеба государственного и мобилизационного резервов до 1943 г. производилось частично с одновременным забронированием, а в 1944 г. разбронирование производилось без возврата или с возвратом из новых хлебозаготовок. Поэтому к 1 сентября 1944 г. государственный и мобилизационный резерв хлеба составлял 2 121 тыс. т (на базах главного управления — 733 тыс., на складах НКЗ и других ответственных хранителей — 1 388, на глубинных пунктах — 405.8 тыс.)³¹.

Военные успехи СССР в 1944 г. позволили начать восстановление баз в прежних местах их дислокации. В октябре Данченко сообщал заместителю председателя СНК СССР Н.А. Вознесенскому, что «создание неприкосновенного государственного хлебного резерва в количестве 8 000 тыс. т обеспечивает полугодовую потребность страны при среднемесечном расходе 1 300 тыс. т». Он также констатировал, что размещение хлеба, как показал опыт войны, «является вполне благоприятным при разрешении оперативных и стратегических вопросов в снабжении хлебом действующих фронтов Красной армии»³².

Особый интерес представляют сравнительные сведения о наличии хлеба госрезерва за вторую половину 1940-х гг. (по состоянию на 1 января): 1941 г. — 5 876 тыс. т, 1946 г. — 10 058, 1949 г. — 18 773, 1950 г. — 20 930, 1951 г. — 21 млн т³³. Увеличение почти в 3.6 раза в сравнении с довоенным уровнем — таков итог сталинской заготовительной политики. Ещё одна характерная деталь: в отличие от

³⁰ Там же, оп. 46, д. 6377, л. 63.

³¹ Там же, оп. 47, д. 5964, л. 137, 150.

³² Там же, д. 5965, л. 92.

³³ Там же, оп. 54, д. 9504, л. 17—18.

довоенного периода удельный вес хранения хлеба госрезерва на собственных базах Министерства государственных продовольственных и материальных резервов СССР снизился за 1940–1949 гг. с 89.5 до 28%, что объяснялось резким отставанием строительства новой зерновой ёмкости от уровня накопления хлеба.

А что происходило с потреблением хлеба населением — главным мерилom и оценкой хлебозапасной системы? Многочисленные исследования свидетельствуют, что 1940-е гг. — время голодного и нищенского существования. Не буду касаться военных лет («война всё спишет»), но в послевоенный период, судя по приведённым мною цифрам, массового голода можно было избежать. В условиях засухи и недорода 1946 г. правительство и ЦК партии 7 июля 1947 г. приняли решение отсрочить до урожая 1948 г. «погашение задолженности колхозов и крестьянских хозяйств по хлебозаготовкам за прошлые годы в количестве, не предусмотренном к погашению в государственном плане хлебозаготовок из урожая 1947 г.»³⁴. Отсрочить, но не отменить. 6 декабря министр заготовок СССР Б.А. Двинский рапортовал Сталину, что план государственных заготовок из урожая 1947 г. выполнен на 100.2%, и «государство получило в этом году хлеба столько же, как и в лучшие довоенные годы»³⁵. В подтверждение приводилась справка. Всего заготовлено зерновых культур по СССР: в 1935/36 сельскохозяйственном году — 1 503.8 млн пудов; 1936/37 — 1 369.3; 1937/38 — 1 629.3; 1938/39 — 1 496.5; 1939/40 — 1 645.3; 1940/41 — 2 117.9; 1941/42 — 1 458; 1942/43 — 760; 1943/44 — 656.5; 1944/45 — 1 278.7; 1945/46 — 1 190.6; 1946/47 — 1 031.3; 1947/48 (на 1 декабря) — 1 648.3 млн пудов. Государственный резерв хлеба накануне нового урожая (по состоянию на 1 июля каждого года) в 1940-х гг. был следующим: в 1940 г. — 4.1 млн т; 1941 г. — 5.4; 1942 г. — 7; 1943 г. — 5.6; 1944 г. — 2.8; 1945 г. — 8.2; 1946 г. — 6.1; 1947 г. — 4.7; 1948 г. — 10.5; 1949 г. — 13.9; 1950 г. — 16 млн т³⁶.

Как же в этих условиях государство планировало потребление хлеба населением? Приведу отрывок из донесения уполномоченного Госплана СССР по Омской обл. начальнику ЦСУ Старовскому от 31 августа 1946 г.: «Среднесуточная норма потребления принята для колхозников 400 гр. муки, зерна и крупы в переводе на муку, для рабочих, служащих и единоличников 350 гр. Исходя из установленных нами ежедневных средних норм, годовая душевая потребность выражается по колхозникам в 146 кг, для рабочих, служащих, единоличников — в 128 кг»³⁷. Далее сообщалось, что большое распространение получила переработка зерна на ручных жерновах, что частично зерно дробилось в ступах и употреблялось в пищу в немолотом виде. Такое же положение сложилось во многих районах страны. Разве в этих условиях нельзя было накормить население хлебом из того запаса в 6.1 млн т, который находился в распоряжении правительства летом 1946 г.?

Мною рассмотрены создание и использование государственного резерва хлеба в СССР на протяжении длительного периода. Подведу некоторые итоги. Прежде всего, анализ показал, что хлебный запас никогда не рассматривался руководством страны в качестве инструмента регулирования экономической жизни; экономика всегда подчинялась политике, выступала в роли её «служанки». В отличие от Российской империи, где усиление государственного вмешательства в функционирование хлебного рынка диктовалось условиями Первой мировой

³⁴ АП РФ, ф. 3, оп. 40, д. 127, л. 45–50.

³⁵ Там же, л. 130–131.

³⁶ Попов В.П. Сталинизм в человеческом измерении... С. 222.

³⁷ РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 1524, л. 161–167.

войны, советское правительство сразу придало экономике характер военного хозяйства, в котором хлеб выступал как один из решающих факторов будущего государственного строительства не только для военных, но и для мирных лет жизни. С колхозной системы берёт начало создание мощного государственного резерва хлеба, контроль за расходом которого осуществляло правительство — зачастую в своих целях, прикрытых словами о «строительстве социализма». Именно поэтому можно с полным основанием утверждать, что в Советском Союзе отсутствовала какая-либо связь между экономикой производства и распределением. Политика использования хлебных запасов не для первоочередных нужд в целях пропитания населения, а для обслуживания политических амбиций содержала в себе глубокие внутренние противоречия. Рано или поздно несоответствие возможностей экономической жизни притязаниям власти должно было привести к глубокому экономическому кризису, преодолеть который не помогла бы никакая резервная система в мире.